

ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ АМУРСКИХ ЭВЕНКОВ



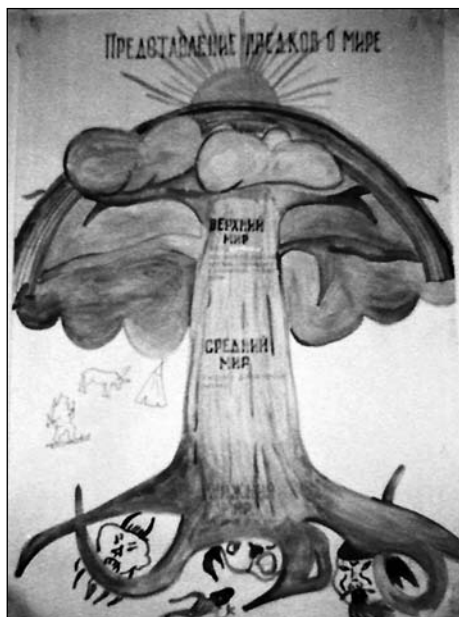
Сергей Васильевич БЕРЕЗНИЦКИЙ,
доктор исторических наук

Этнические проблемы проявляются как реакция на постоянно нарастающую универсализацию культуры в условиях глобализации. Трансформация этнических, культурных, религиозных аспектов в современной России приводит к появлению чувства незащищенности у людей, к усилению желания принадлежать к определенной этнокультурной группе, к сохранению своей культуры и мифологии. Человек постоянно «кодируется» обществом с помощью стереотипных образов. При этом мифологическое восприятие своей этнической общности создает определенную картину мира, являясь коллективным верованием и служит механизмом консолидации этноса¹. Этнос представляет собой открытую систему, которая постоянно развивается, изменяется и саморегулируется.

Промышленные цивилизации воздействуют на традиционные общества, заставляя их, с одной стороны, трансформироваться, с другой — возрождать самобытные этнокультурные ценности². Подобное воздействие характерно для бесписьменных обществ коренных народов Приамурья, вся жизнь которых была наполнена верованиями и ритуалами, направленными на гармонизацию общества и человека. Утрачивая традиционную культуру, дальневосточные этносы не приобщаются полностью к культуре славянской. Сегодня, чтобы убедить хотя бы то, что осталось от традиционной культуры, следует отказаться от методики навязывания культурных ценностей³, предоставить этносам самим искать альтернативные варианты сохранения верований и ритуалов.

У современных амурских эвенков, проживающих в бассейне р. Селемджи в Амурской области, сохранение аспектов традиционной духовной культуры объясняется рядом причин: изменение хозяйственно-культурного типа в результате перевода на оседлость, интернатская система обучения, которая не способствует передаче культурных ценностей от поколения к поколению, забвение родного языка, невозможность отправлять самобытные ритуалы. Большое значение имеет факт исчезновения из духовной культуры института шаманства и шаманов, которые были наделены особым менталитетом и жизненным опытом, помогали решать проблемы, связанные с мощным иноэтническим и инокультурным влиянием. В целом шаманы поддерживали стабильность традиционного общества, призывали к сохранению родной культуры. В советский период были и отдельные представители этноса, которые внедряли в общество новую идеологию.

Исследования духовной культуры селемджинских эвенков показали, что, с одной стороны, они хранят отрывочные сведения о космологии, ритуалах жизненного цикла, верования о священных животных, с другой — имеют определенные комплексы воссоздаваемых обрядов различного характера⁴. Весь окружающий мир *Буга*, по верованиям этой группы эвенков, традиционно состоит из трех частей — небесной *уугу буга*, земной *дуннэ буга* и подземной *хэргу буга*. Однако есть особый подводный мир, в котором живут злые подводные жители, водяные, черти *селюкин*. Реку Хэргу эвенки называют «нижней рекой». По преданиям, она берет начало в пещере, в которой живет страшное чудовище *Хэргу* из нижнего подземного мира.



Строение Вселенной по верованиям амурских эвенков



Человек и Боги

В верхнем мире находится солнце *дэлэча*, месяц *бега*, звезды *игакак-тал* — «блестящие». Главным в верхнем и среднем мире считается добрый Бог *Сэвэки* антропоморфного облика с седой бородой, в нижнем мире — злой Бог *Аваги* или *Хэргу* — страшное, лохматое, черное существо. Бог *Сэвэки* не пускает его в верхний мир. Но злой Бог может самостоятельно проникнуть в средний и подводный миры. На основе этого верования некоторые старики-эвенки никогда не ловили и не употребляли в пищу налимов и шук, считая их «чертовыми» рыбами. Эвенки верили, что в старых, заброшенных поселениях *галагда* обитают злые духи. Таким же термином называли не только проклятые места, но и, например, женщин, у которых часто погибали мужья, человека, которого задрал медведь. Верования о помеченном медведем человеке *галигда* характерны в настоящее время для амгуньских негидальцев и горинских нанайцев⁵.

Соотношение внешнего вида и функций *Сэвэки* и *Хэргу* представлено на современной экспозиции в фойе Дома культуры с. Ивановского, на которой изображено строение Вселенной, человек с собакой и тремя птицами, подаренными добрым богом. Считается, что оленей у эвенков тогда еще не было. Внизу нарисован злой дух *Хэргу*, который постоянно склоняет человека к совершению злых дел, к лени и т.п.

У современных эвенков существуют два основных космогонических варианта того, как образовались горы на земле. По одному из них, более древнему, их создал мифический дракон *кулиндя* — «большой змей», который полз под землей и «поднял» хребты Джугджур, Эзоп и Сихотэ-Алинь. Подробности второго варианта сохранены в фольклоре: Бог заметил, что человек стал ленивым, так как ему

было просто передвигаться по ровной поверхности земли. Чтобы заставить человека трудиться, Бог и создал горы.

В области ритуалов жизненного цикла существовали универсальные запреты, воспоминания о которых сохранились у современных информантов. Для того чтобы ребенок не родился мертвым, беременной было запрещено

употреблять алкоголь, перешагивать через костер, пищу и воду, запрещалось подходить к туше медведя и посещать кладбище. Интересно осмысление некоторыми эвенками запрета для беременной употребления медвежьего мяса. Запрет основывался на веровании о том, что ребенок родится таким же вредным, как медведь. Этот древний магический запрет показывает особое отношение современных эвенков к медведю по сравнению с верованиями других народов Амура, для которых медведь — священное животное, а для эвенков он прежде всего хищник, который пожирает оленей, следовательно, — вредный зверь.

Рождение называется термином *балдыдяк* — «место, где ты живешь». Традиционно эвенки рожали в отдельной палатке или родильном шалаше *тэлевун*, которые сами же и устанавливали. Лишь в трудных случаях рожать помогали пожилые женщины или шаман. Пуповину отрезали ножницами, а послед вешали на дерево либо закапывали в восточную сторону бугра, чтобы место хорошо освещалось солнцем. Через неделю после родов мать вместе с ребенком могла перейти в семейную палатку, но в течение месяца ей запрещалась половая близость с мужем. Она шила пеленки из шкур оленят, терла древесную труху для присыпки. Если женщина рожала девочку, то молча шла в стойбище, а если мальчика, то, возвращаясь с ним на руках, громко кричала: «*омолги эмэрэн*» — «мальчик пришел». Этот крик был сигналом для мужчин, чтобы готовиться к празднику. В любую погоду отец разворачивал пеленки и, взяв ребенка за ноги, поднимал вверх. Если ребенок молчал, считалось, что он станет хорошим охотником и смелым человеком.

Шаман остывшим угольком из очага делал ребенку метку на лбу между бровей, чтобы хозяин семейного очага *того, того бэйе* («человек огня») принял нового члена коллектива. С той же целью уголек из очага клали в колыбель *эмкэ*. Для защиты ребенка от несчастий над его колыбелью подвешивали когти медведя, и младенец воспринимал могучий дух этого зверя, а звук колокольчиков служил сигналом матери, занятой домашними заботами, что с ребенком все в порядке.

Дней рождения в традиционной культуре эвенки не праздновали. Но имя новорожденному старались давать при полном собрании родственников и чаще всего по имени недавно умершего сородича. Могли нарекать также по названию любого предмета или животного, которое попадалось отцу на глаза, например, «топор», «бельчонок». Самыми лучшими именами для мальчиков были: *Бултадя* (крепкий охотник), *Мангэ* (твердый, как камень). Ребенку дарили необходимые в охотничьей жизни предметы: ружье, трубку, лыжи. Нож — обязательно с магическим приговором: «*котот уллэвэ бакакал бултадук сяксячи бигин*» — «нож мясо пусть найдет, на охоте пусть нож в крови будет». Мальчиков и девочек называли одинаково — «*нирэйкан*» — «маленький ребенок».

По мнению информантов, рождение близнецов не было хорошим событием. Нередко при рождении разнополых близнецов девочка считалась не родным ребенком, а нагулянным от конкретного мужчины. Чаще всего ее отдавали соседям. Эти верования и ритуалы амурских эвенков отличаются от воззрений основного этнического массива коренных народов Нижнего Амура и Сахалина, по которым рождение близнецов — хороший признак для всего социума.

По верованиям современных эвенков, человек обладает двумя душами: «хорошей» *оми* и «плохой» *уоха, уоха омити* — «человек без души». Сегодня *уоха дялычи* расценивается эвенками как особый вид отрицательной энергии. Эти две души владеют сознанием человека попеременно, в зависимости от жизненных обстоятельств. Когда человек умирает, то душа *оми* летит в место обитания доброго Бога *Сэвэки* — *Сэвэки бугалан*, рай. Плохая душа попадает в место *Хэргу*



Надгробия эвенков

дуннэ — владения Сатаны *Хэргу*. Образ Сатаны заимствован из христианской культуры славянских переселенцев.

Приметами смерти чаще всего считались «черные сны» — *конгорин толкитим*. Если человек видел себя в мире чудовищ или черных людей, это было верным признаком того, что он скоро умрет: *букэл* — с ударением на «э»; *буча* — умер. Предвестником близкой смерти считалась ворона, которая, каркая, садилась на палатку. Осмыслялась такая функция вороны преданием, по которому *Сэвэки* сделал ее птицей-могильщиком. Некоторые эвенки считали «плохим» животным кога черной масти. Однажды один старик во время войны заставил домочадцев оставить подаренного русскими черного кога при очередной перекочевке. На новом месте старик неожиданно заболел и умер. Сороди-чи же распенили его внезапную смерть как месть обиженного кога.

Ритуал омовения покойника эвенки заимствовали у русских, как и обычай установки деревянного креста в качестве надгробия. До прихода славян в Приамурье эвенки не хоронили умерших в земле, считая землю живым существом. Антропоморфизм эвенков проявлялся в том, что они представляли Землю в образе огромного человека. Географические участки ассоциировались с частями тела этого живого существа: реки — с кровеносными артериями, пустыня — с голым животом, ущелья — с губами, рот — с пещерой, зубы — с острыми камнями. Горы ассоциировались с носом, а глаза — с озерами. В тайге, деревьях и кустах (волосах) водятся звери (вши). Половой орган женщины — это пещера, в которой появляются дети, после внедрения в нее каменного столба, основы земли и жизни — мужского полового органа. Он заходит в пещеру, как рыба заходит в свою норку, чтобы отметать икру. Пещера — это особое место, где зарождается жизнь.

Могилы не копали из-за боязни нанести боль, раны живому существу — земле. Поэтому эвенки традиционно заворачивали труп в шкуры, туго перетягивали сухожилиями и вешали на дерево. Остатком этого ритуала в языке эвенков является термин *мета*, т.е. шкура для обозначения гроба. Умерших детей помещали в колыбелях на ветви деревьев, а «сверток» с телом взрослого привязывали к вершине согнутого молодого дерева. Затем вершину освобождали, ствол распрямлялся, тело умершего человека оказывалось высоко над землей и было недоступно хищникам. У подножия дерева оставляли ружье покойного с одним патроном, петли, нож, лук, стрелы, посуду и т.п. — все, что было необходимо покойному в другой жизни. Все вещи ломали и обязательно забивали на могиле любимого оленя путем сдавливания сердца или разрыва аорты. Для сдачи мяса в колхоз-совхоз оленя убивали ударом ножа в затылок без выполнения ритуалов. Для собственного потребления забой оленя совершался так же, как и при погребении человека.



Домашние олени

В верхнем мире *Сэвэки* устраивал суд, внимательно изучал душу умершего человека, определял ее характер — жадная она или нет, добрая или злая. Если выяснялось, что душа жадная, то *Сэвэки* поселял ее в местность с бесплодной землей. Добрая душа поселялась в стойбище с оленями. *Сэвэки* сам решал, сколько души будут жить в его мире до отправки на землю. Злой душе предстояло пройти ряд испытаний и проверок *Сэвэки*.

На современном кладбище некоторые эвенки (Стручковы, Софроновы, Поротовы) хоронят своих покойных в одном ряду. В качестве надгробий устанавливают православные деревянные кресты или обычные тумбы, стелы из металла или мраморной крошки с фотографиями. Специально испорченной посуды и других вещей на могилах (как это часто наблюдается на кладбищах других коренных народов Амура) не зафиксировано.

По приходу в лагерь и перед перекочевкой эвенки угощали хозяина огня *Тохо* и хозяев гор и тайги, которых тоже именовали *сэвэки*. Для них на дерево вешали цветные тряпочки *торгакан*, колокольчики, деревянные ошейники оленей. Хозяина огня эвенки представляли в образе вечно «молодого старика» без бороды. Стариком он должен быть для мудрости, а молодым — для жизненного огня. В огонь бросали кусочек лепешки, брызгали водку, медвежий и олений жир, просили удачи для стада и хорошей охоты. Оленье молоко и рыбу хозяину огня давать было запрещено, потому что он не любил эти продукты и сильно сердился. У некоторых эвенков (например у Соловьевых) нанайское название хозяина огня *Подя*. Основная же масса современных эвенков называет его термином *сэвэки*. Подобным образом угощали хозяина реки *бира омин*, и хозяина гор — *урэ омин*. В огонь и реку нельзя было испражняться, плевать, бросать мусор. При угощении хозяев рек, гор, тайги, озер старики крестились по православному обычаю, просили удачи и счастья в жизни. Многие современные эвенки считают себя крещеными, но момента крещения не помнят. По их мнению, в с. Ольгинске до 1921 г. существовала православная церковь, которую разрушили местные атеисты и комсомольцы. Некоторые информанты рассказывают об использовании отдельных аспектов христианского вероучения в своей жизни, например, излечение от заболевания при помощи наложения



Медвежий череп — охранитель стоянки

православных крестов. В настоящее время творческая интеллигенция села устраивает христианские праздники, на которые приезжают священники из Благовещенска и крестят детей.

В традиционной культуре у эвенков бытовал культ медведя, которого они называют *эгэка*, *эгондя*, *мооты*; любовно — *мукала* «Миша», *эгодкан* — медвежонок, *нями* — самка медведя. Раньше кости медведя не употребляли в пищу, никогда не бросали собакам, а вместе с черепом вешали на дерево, чтобы их обклевали птицы. У каждого мальчика был свой нож, его использовали, когда ели медвежье мясо, отрезая маленькие кусочки у рта движением снизу вверх. Нарушившего ритуал человека мог разорвать в тайге медведь. Кроме того, такой способ употребления медвежьего мяса считается «чисто» эвенкийским, так как славяне из-за особенностей своего антропологического типа могут порезать нос. Это обстоятельство и сегодня служит предметом шуток над русскими односельчанами. В большинстве эвенкийских родов женщинам разрешали употреблять в пищу медвежье мясо. После еды все водили хоровод вокруг костра.

В настоящее время охотники-оленоводы добывают медведей с помощью огнестрельного оружия, устанавливают петли из стального троса и ловушки *соксо* давящего типа. Такую ловушку ставят в том месте, где медведь повадился похищать оленей из стада, т.е. стал «пасти» стадо, по мнению эвенков. Несмотря на то что медведь для современных эвенков прежде всего хищник, уничтожающий домашних оленей, они сохранили некоторые верования и ритуалы по отношению к этому могучему животному: медвежий череп помещают мордой на восток на высокий шест рядом с лагерем⁶. Череп устанавливают в честь духа медведя, из-за уважения к зверю, а также для отпугивания злых существ и реальных хищников.

В сфере оленеводства наибольшее количество современных верований сосредоточено вокруг образа священного оленя. Нередко в стаде рождаются оленята с отклонениями в физическом развитии: без глаз, нижних челюстей и т.п., которые не выживают, но считаются посланниками добрых духов, хорошим знаком для благополучия людей и увеличения поголовья оленей. Особым по-

четом пользовался священный олень *сэвэк* необычной белой масти (чаще всего бесплодный) с красными глазами, который расценивался как посланник Бога *Сэвэки* для счастья людей. Такого оленя не использовали в работе, надевали на него самую красивую уздечку и повязывали на шею красную тряпочку. После смерти его укладывали на правый бок, чтобы сердце было свободным, мордой на восток на специальный лабаз *колбо*. По рассказам информантов, его тушу не трогали даже птицы, и она полностью истлевала.

Некоторые охотники иногда встречали в тайге сохатого с белой шерстью и необычно длинным хвостом, который способствовал промысловой удаче.

Отдельным природным объектам эвенки поклонялись на основе верования о безличном священном месте, например, отдельной скале или голой сопке. Таким объектом до настоящего времени является сопка «Веселая» — *элаптын* — «голец». В прежние времена эта сопка, на которой не росли деревья, служила местом проведения общественного праздника *бакалдын* — «встреча родственников, друзей», местом, где пересекались кочевые тропы оленеводов. На вершине сопки разжигали костер и благодарили солнце. Информанты помнят о двух периодах празднования. Было время, когда на праздник собирались только мужчины, а женщины оставались со стадом. Затем в праздниках стали участвовать женщины и дети. Обычно танцевали круговой танец, устраивали спортивные состязания, заключали торговые сделки и обменивались невестами. В настоящее время некоторые эвенки стараются соблюдать традиционный обряд угощения монетами сопки «Веселая». Чаще всего ритуал совершают из окна движущегося автомобиля. Причем монеты не следует выбрасывать, а держать на раскрытой ладони, они от тряски сами падают на землю.

В верховьях р. Семилек на сопке есть большой камень, который, по преданию, принесла женщина-богатырь, показывая, что она сильнее мужчин. Многие эвенки, якуты, даже эвены с морского побережья и народы с Амура пытались поднять камень, устраивали состязания и праздники. Но до сих пор ни один мужчина не смог его поднять.

С 1960-х годов своеобразным продолжением этих праздников стали Дни оленевода, которые проводятся по устоявшемуся еще с советских времен сценарию обязательного собрания оленеводов с подведением итогов, спортивной программой (лыжные и олени гонки, стрельбы, бег в мешках, прыжки через нарты и т.п.). Проводятся прыжки через костер, что, по мнению отдельных информантов, является грехом, за который ранее хозяин огня наказывал.

Современные эвенки практически не обладают какими-либо сведениями о шаманстве, лишь знают, что их предки пользовались услугами шаманов. Некоторые эвенки хранят в памяти предания, связанные со сверхъестественными способностями шаманов, которые могли снимать зубную боль, чувствовать злых существ под землей и предупреждать об этом сородичей, а также прекращать грозу и сильный дождь.

Многие информанты помнят о магическом ритуале привлечения солнца. Во время длительного, затяжного дождя взрослые заставляли детей совершать обряд возвращения солнца людям. Для этого нужно было оголить зад, повернуть его в сторону солнца за тучами, похлопать по нему ладошкой и сказать магическое заклинание: «*Дылача! Дылача! Би мукамукив улапкун. Си мукамуки олгокин. Ичеткал олгикал. Халдяны?*» — «Солнце! Солнце! Мой зад мокрый, а твой сухой. Выгляни, посмотри, высуши. Тебе стыдно? Вот покраснело». Вот покраснело — говорят уже появившемуся из-за туч солнцу. Остальные дети, кроме говорящего магическое заклинание, должны были в этот момент как можно громче хохотать. По словам очевидцев, было так смешно, что они смеялись и без указания взрослых. Иногда после ритуала дождь прекращался.

Этот магический ритуал имеет очень древние корни, в его основе лежит прием вызывания солнца при помощи ритуального смеха. В фольклоре других дальневосточных этносов, например в синтоистских верованиях японцев, широко известен ритуальный танец с эротическими элементами богини Удзуме перед пещерой, в которой спряталась богиня солнца Аматэрасу, вызванная в мир в результате смеха богов⁷ (7 Кодзики 2000, с. 92—95).

В традиционной культуре эвенки использовали магический прием призвания ветра в особо жаркое время, для чего принимались свистеть. Ветер призывали для того, чтобы отогнать тучи гнуса от оленьего стада.

Некоторые информанты помнят, что в тайге живет великан, огромный человек *хогды бэендя*. Великан весь покрыт волосами или шерстью. Из-за этого имеется еще одно название для него — *дэрэ нюриктэчи* — «волосатое лицо». Образ этого великана связан, как и у некоторых других коренных народов региона, с плохой погодой: как правило, с приближением существа начинался сильный дождь.

К комплексу современного обрядотворчества эвенков следует добавить также ритуалы угощения цветными тряпочками священного дерева, угощение хозяина огня в костре лепешками и коровьим молоком (вместо традиционного оленьего) при праздновании 110-летия села в 2001 г., ритуал испрошения у духов счастья и удачи, угощение молоком и медвежьим жиром ритуального столба. Ритуальный столб вырезан для юбилейного праздника в виде трех соединяющихся миров: небесного, где живут *Сэвэки* и солнце, Среднего мира, где живут люди, и Нижнего, подземного мира, где живут злые существа *Хэрги*.

Никто из информантов не помнит, чтобы ранее у эвенков праздновали свадьбы. Чаще всего брак заключался в форме сговора родителей без учета мнения молодых. Однако работники Дома культуры считают, что в настоящее время эвенки могут организовывать свадьбу по собственному сценарию, который включает в себя традиционные и славянские элементы. Художественный руководитель фольклорного ансамбля «Улгэночка» Л.Н. Тарская написала сценарий такой свадьбы, которая продолжается несколько суток и включает ритуалы сватовства, смотрин, пиршество, танцы и т.п. В первый вечер сваты жениха хвалят его промысловое мастерство и просят взамен показать девушку-невесту. Здесь же договариваются о размере выкупа и приданого. В состав праздничных яств входят блюда этнической кухни, приготовленные из дикого и домашнего мяса, рыбы, грибов и ягод, молока и т.п., настойка из мухоморов. Всю ночь продолжаются индивидуальные и круговые танцы *ехорьё* вокруг костра. Жених и невеста ночуют в разных чумах. Утром начинаются соревнования в удали молодежи, невеста показывает свое мастерство приготовления пищи и вышивания. Вечером — ритуал смотрин *ичевкавун*. Хвастаются своими качествами не только жених с невестой, но и их друзья. Ночью танцует шаман и желает счастья молодым. Жених и невеста впервые идут спать в один чум. На третий день жених сажает невесту на оленя спиной вперед, чтобы она не забывала свой дом, и увозит к себе. Когда свадебный караван подъезжает к дому жениха, невеста поворачивается по ходу движения. Возле дома их встречают родители жениха, и начинается счастливая семейная жизнь.

Л.Н. Тарская ведет кружок народных промыслов, на котором дети учатся изготавливать традиционные охранительные амулеты для девочек, обереги от болезней и всего плохого. Гораздо реже изготавливают мужские амулеты, в основном для охотничьей удачи. Раньше у каждого эвенкийского рода были родовые амулеты.

Обеспокоенная отсутствием в репертуарах и сценариях СДК эвенкийских персонажей Л.Н. Тарская сама придумывает и пишет сказки с использованием

этнических мотивов. Например, в «Сказке о Смелом охотнике и маленьком олененке *Бугдыкане*» говорится о том, как маленького шаловливого олененка забрал в пещеру хозяин горы и грома *Агды* и лишь с помощью человека и шаманства матери олененка удалось его вернуть. В сказке прослеживается несколько этнокультурных пластов, заметны культурные влияния славянского фольклора. Интересен образ *Агды* как злого существа, хотя в верованиях всех тунгусо-маньчжуров дальневосточного региона он имеет положительный статус. Раскрывается одна из причин культа скал. Договор оленевого рода с человеческим косвенно освещает роль культурного героя в появлении оленеводства как вида хозяйства. Олениха из простого животного превращается в «первого» животного помощника человека. Подобным образом пытаются возродить традиционные ритуалы некоторые работники детского сада и школы.

Таким образом, сегодня эвенки хранят в памяти достаточно древние пласты духовной культуры, связанные с универсальными аспектами антропоморфизма, воззрениями многих народов мира об образовании Вселенной, ее структуре, отношениях людей со сверхъестественными силами и существами. Менее сохранились шаманские верования, что, возможно, связано с более ранним по сравнению с другими коренными народами Нижнего Амура проникновением христианских канонов в культуру амурских эвенков и более жесткими мероприятиями властей в советский период. Сами себя многие эвенки называют «обкоммунистиченными», с чем и связывают забвение древних ритуалов. По мнению информантов, эвенки не относятся к тунгусам, их так иногда называют только якуты, когда хотят обидеть.

Определенная часть амурских эвенков, обеспокоенная негативным состоянием родной духовной культуры, пытается возродить традиционные обряды, былую духовность и верования. Эта деятельность прослеживается как в комплексе ритуалов жизненного цикла, так и в промысловой обрядности. Несмотря на существование концепции о конструировании этнического самосознания политическими лидерами, в культуре каждого этноса есть историческая память, культурные стереотипы, которые образуют самоорганизующуюся систему, аккумулирующую коллективный опыт, менталитет, обыденное сознание и комплекс мировоззрения. Частично это прослеживается и на примере исследования современного комплекса верований, ритуалов и культов амурских эвенков.

¹ Волкогонова О., Татаренко И. Этническая идентификация и искушение национализмом // www.philosophy.ru 09.10.2001

² Зарипов А.Я. Общие проблемы этногенеза и научная теория // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. 2(4) // www.soc.pu.ru 24/03/2003

³ Бабаков В.Г. Кризисные этносы // Кризисный социум: Наше общество в трех измерениях. М.: ИФРАН, 1994. С. 132—157.

⁴ Березницкий С.В. Материалы по культуре бикинских и анюйских удэгейцев, селемджинских эвенков: Этнографические исследования 2003—2004 гг. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 559, л. 775; Березницкий С.В. Трансформация культурного комплекса у селемджинских эвенков // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций: сб. ст./отв. ред. В.А. Тураев. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 37—56.

⁵ Березницкий С.В. Материалы по культуре хоккайдских айнов, амгуньских негидальцев и эвенков, горинских нанайцев: Этногр. исследования 2005 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 585, л. 847.

⁶ Березницкий С.В. Трансформация культурного комплекса у селемджинских эвенков... С. 52.

⁷ Кодзики. Записки о деяниях древности. Свиток I. СПб.: ООО «Издательский дом «Кристалл», 2000. С. 92—95.

SUMMARY: Doctor of Historical Sciences Sergei Bereznitsky in his article “Beliefs and Rites Arts of the Amur Evenks” considers that the Amur Evenks, being anxious of poor condition of their native spiritual culture, tries to restore traditional rites, the former cultural wealth and beliefs. This is traced both in the ritual complex of life circle, and in trade rites.